

Курдский фактор в политике США на пике кризисов в Иране и Афганистане, 1979 – январь 1981 гг.

В.Т. Юнгблюд, А.И. Сенников

Вятский государственный университет

В конце 1979 г. после захвата американского посольства в Тегеране сторонниками верховного лидера Исламской Республики Иран аятоллы Р. Хомейни (4 ноября) и ввода советских войск в Афганистан (25 декабря) Соединённые Штаты столкнулись с необходимостью существенной корректировки своего курса на Ближнем и Среднем Востоке. Аналитические, разведывательные и военные структуры США в поисках ответа на возникшие в связи с иранским и афганским кризисами вызовами задействовали различные ресурсы. В качестве одного из потенциальных рычагов влияния на развитие ситуации в регионе рассматривался курдский фактор. Аппарат СНБ, Государственный департамент, ЦРУ и Министерство обороны США анализировали курдское движение на предмет возможности его использования в собственных интересах. На основе документов Государственного департамента, Совета национальной безопасности и Центрального разведывательного управления в статье прослеживаются этапы выработки политики США в отношении движения курдов и его использования для достижения стратегических целей Вашингтона в условиях наиболее острой фазы иранского и афганского кризисов. Обосновываются выводы о том, что изначальная ошибочная оценка событий в Афганистане и Иране как воплощения продуманной цельной советской стратегии продвижения в район Персидского залива стала главной причиной несостоятельности расчётов Администрации Картера на использование курдов в качестве силы, способной противостоять режиму Хомейни и нерелевантности выводов о слабости иранского политического режима. Колебания в отношениях Вашингтона с Тегераном не способствовали выработке чёткой линии на афгано-иранском направлении.

Ключевые слова: США, Исламская республика Иран, СССР, курдский вопрос, Афганистан, заложники, тайные операции

УДК 327.8(73:5-15)“1979/1981”

Поступила в редакцию: 05.07.2023

Принята к публикации: 18.10.2023

В истории XX в. было несколько относительно непродолжительных, но насыщенных событиями отрезков времени, радикально изменивших равновесие сил в отдельных регионах мира и имевших значительные последствия для всего миропорядка. К числу таких периодов следует отнести 1979–1980 гг., когда внутривосточные процессы в Иране и Афганистане, казавшиеся изначально локальными, в конечном итоге привели в действие мощные национальные, этнические и религиозные движения. Наметившиеся региональные сдвиги имели глобальные экономические и геополитические последствия.

Для Администрации Картера обострение обстановки на Ближнем и Среднем Востоке было чревато труднопредсказуемыми последствиями, что побуждало искать варианты выхода из взаимосвязанных, но имевших разнонаправленные векторы развития кризисов – иранского и афганского. Предметом данного исследования является планирование и претворение в жизнь американской политики, которая, согласно замыслу её создателей, должна была стать цельной, рассчитанной на долговременную перспективу стратегией противостояния советскому вызову в одном из наиболее уязвимых на тот момент регионов периферии Холодной войны.

Обширная историография политики США на Ближнем и Среднем Востоке в конце 1970-х – начале 1980-х гг. в основном концентрируется на общей динамике международных отношений в этом регионе и выработке конкретных решений. Это характерно как для американских (Barfield 2023; Blight 2014; Emery 2013; Garthoff 1994; Hammond 1984; Hassan Kakar 1995; Hauner, Canfield 2018; Herring 2017; Johnson 2022; Leake 2022; Murray 2010; Ro'i 2022; Rubin 1985; Saikal 2010; Sargent 2015; Teitler 2020; Zegart 2022), так и для отечественных авторов (Агаев 1986; Агаев 1987; Арабаджян 1989; Арунова, Иваненко 2015; Иващенко 1997; Коргун 2004; Кременюк 1984; Муртазаева 2012; Никитенко 2004; Рабуш 2022; Спольников 1990; Топорков 2014; Фёдорова 2004; Христофоров 2016). Курдский вопрос в Иране в рассматриваемый период изучался только в контекстах внутрииранского политического процесса и ирано-иракского конфликта (Entessar 2017; Hassaniyan 2021; McDowall 2021; Vali 2020).

Данная статья продолжает исследования авторов по ближневосточной тематике, результаты которых публиковались в 2016–2023 гг. (Воробьёва, Юнгблюд 2016, 2019; Юнгблюд, Бакшаев 2022; Сенников 2019, 2020; Юнгблюд, Сенников 2023; Сенников 2019, 2020). На этот раз наше внимание сосредоточено на обсуждении альтернатив стратегии США с учётом фактора движения курдов, которое начинало претендовать на роль самостоятельного субъекта в региональной системе международных отношений. В этой связи цель данного исследования заключается в поиске ответов на взаимосвязанные вопросы: 1. Как события в Афганистане влияли на выработку политики США в отношении иранского кризиса? 2. Как в американском правительстве оценивали потенциал курдского движения и возможности его использования для достижения собственных стратегических целей в регионе?

Источниковую базу настоящего исследования составляют сравнительно недавно рассекреченные и опубликованные в XI и XII томах документов Государственного департамента США за 1977–1980 гг. (Foreign Relations of the United States – FRUS 2018, 2020), Центрального разведывательного управления (CIA, ЦРУ), Совета национальной безопасности (NSC, СНБ) США и президентской библиотеки Дж. Картера (JCPL).

Политика США на иранском и афганском направлениях, 1979 г.

Победа революций в Афганистане и Иране¹, а также продемонстрированное новыми режимами этих стран пренебрежение к США вынудили администрацию Картера искать союзников в этих странах среди деятелей умеренного, или относительно умеренного толка, чтобы развернуть политику Демократической Республики Афганистан (ДРА) и Исламской Республики Иран (ИРИ) от антиамериканизма к антисоветизму (Коргун 2004: 409; Saikal 2010: 112).

В Иране таким партнёром стал глава временного правительства М. Базарган. Несмотря на революционную риторику и склонность обвинять американцев почти во всех бедах иранского народа, в оценках масштабов советской угрозы в Юго-Западной Азии его позиция была близка к американской. С весны 1979 г. Иран оказывал ограниченную поддержку оппозиционным исламским группировкам в Афганистане в виде посреднических услуг в финансовых операциях и предоставления им убежища на своей территории, что санкционировалось аятоллой Хомейни и согласовывалось с представителями Вашингтона (Иващенко 1997: 52; Garthoff 1994: 922, 924).

Эту «идиллию» разрушила новость о прибытии в США 22 октября 1979 г. для лечения свергнутого шаха М.Р. Пехлеви и последовавший за этим 4 ноября захват американского посольства в Тегеране группой радикальных студентов-исламистов, объявивших себя сторонниками *рахбара* (аятоллы Р. Хомейни) и вскоре поддержанных им (Воробьёва, Юнгблюд 2019: 8). Успехи нормализации отношений лета 1979 г. пошли насмарку. Отдельные эксперты в Вашингтоне главной причиной неблагоприятного развития событий считали «руку Москвы», хотя и констатировали сохранение антагонизма между Тегераном и просоветским Кабулом (Leake 2022: 179).

Захват посольства нанёс мощный удар по репутации администрации Картера. Ей пришлось срочно менять стратегию, не отказываясь при этом от поощрения поддержки Тегераном афганской оппозиции и продолжая интриговать с главой Революционного совета Афганистана Х. Амином, с которым удалось

¹ Речь идёт о Саурской революции в Афганистане (июнь 1978 г.) и исламской революции в Иране (февраль 1978 – февраль 1979 гг.).

наладить регулярные контакты (Рабуш 2022: 112–115; Hammond 1984: 87–88, 113). Москва в то время была крайне озабочена поддержкой Соединёнными Штатами афганских оппозиционеров, а также фактами, казалось бы, указывавшими на желание Амина «переметнуться» к американцам (Воробьёва, Юнгблюд 2016: 111–112, 117–118; Христофоров 2016: 81–83; Ro'i 2022: 17).

Ввод в ночь с 24 на 25 декабря 1979 г. ограниченного контингента советских войск в Афганистан усложнил и без того непростую обстановку. Он возродил среди западных политиков образ «вековой российской империалистической угрозы» (Васильев 2018: 196; Hauner, Canfield 2018: 2). В Белом доме не без оснований считали, что быстрое «умиротворение Афганистана» при помощи СССР приведёт к репутационным потерям США (Сенников 2019: 95–96). Хотя надежды превратить Афганистан в «советский Вьетнам» зародились уже тогда², ключевые ответственные политики в Вашингтоне были сильно встревожены (Воробьёва, Юнгблюд 2016: 114; Herring 2017: 553; Teitler 2020: 56). Администрация Картера ответила Москве введением санкций (в первую очередь на поставки технологий и пшеницы), а также приостановила процесс ратификации договора ОСВ-2.

Иранское руководство посчитало афганскую ситуацию после ввода советских войск благоприятной для консолидации шиитских сил в борьбе как против СССР и ДРА, так и против США (Hassan Kakar 1995: 77). Практически это выражалось в пропагандистских кампаниях против «младшего дьявола» (СССР) наравне со «старшим дьяволом» (США). Поддержка Тегерана объяснялась исламскими традициями, согласно которым афганские беженцы считались мохаджерами (вынужденными переселенцами), – а страны, их принявшие (Иран и Пакистан), – ансарами (помогающими Пророку), долг которых состоял в том, чтобы приютить мохаджеров и обеспечить их всем необходимым для возвращения с оружием в руках в родные земли. Такая трактовка создала правовое оправдание помощи афганской исламской оппозиции в её борьбе против власти Национально-демократической партии Афганистана (НДПА) и советских войск (Спольников 1990: 39; Barfield 2023: 236).

Администрация Картера в поисках новой стратегии, январь – март 1980 г.

Исламская республика в Иране не способствовала гармонизации отношений шиитской теократической власти с курдами, большинство которых входило в светские секулярные организации или исповедовало суннизм. К началу исламской революции в Восточном Курдистане проживало около десяти мил-

² FRUS, 1977–1980. Volume XII. Afghanistan. Washington: GPO, 2018 (далее – FRUS 2018). P. 266.

лионов курдов, что составляло порядка 12% населения страны. При разработке политики на Ближнем и Среднем Востоке в Государственном департаменте США учитывали активную роль курдов в политической жизни Ирана, длительную историю их оппозиционности центральной власти, а также связи с многомиллионными анклавами этого народа на территории соседних ближневосточных государств.

С августа 1979 г. иранские курды находились в затяжном конфликте с Тегераном. После долгих безуспешных переговоров к октябрю 1979 г. стало понятно, что иранские власти не в состоянии подавить курдское движение, а сами курды не способны без помощи извне расширить движение и претендовать на сепарацию (Агаев 1987: 75–76; Entessar 2017: 322; McDowall 2021: 412–413). Пропагандистский аппарат режима Хомейни использовал курдское сопротивление как аргумент в пользу консолидации своих сторонников, обвиняя курдов в пособничестве «американскому империализму»³. И всё же в октябре между курдами и Тегераном было достигнуто соглашение о прекращении огня до января 1980 г. (Арабаджян 1989: 169, 183, 186).

До ноябрьских событий 1979 г. администрация Картера смотрела на курдское движение в Иране с опаской, поскольку надеялась на нормализацию отношений с Тегераном и рассчитывала избежать повторения иранского сценария в других частях Ближнего Востока, особенно в Турции, где курдские волнения проходили на фоне нестабильности правительств Б. Эджевита и С. Демиреля (Сенников 2020: 98).

Захват заложников скорректировал подходы членов американского правительства, разделив его на две части – «голубей» во главе с государственным секретарём С. Вэнсом, выступавших за дипломатическое разрешение кризиса, и «ястребов», ратовавших за применение силы. «Ястребов» возглавил советник президента по национальной безопасности Зб. Бжезинский, руководивший разработкой планов давления на Иран. Один из помощников Бжезинского Г. Сик, считавшийся специалистом по иранскому вопросу, докладывал о значительных ресурсах курдской оппозиции, на которые можно было рассчитывать в случае силовых акций против Тегерана⁴. Курдское движение считалось главным этнонациональным вызовом исламской республике и единственной силой, способной открыто противостоять режиму (Hassaniyan 2021: 85).

В ноябре–декабре 1979 г. Картер балансировал, не отдавая предпочтения ни «ястребам», ни «голубям». Против режима Хомейни были задействованы дипломатические, экономические и силовые рычаги, но санкционировать что-то

³ *FRUS, 1977–1980. Volume XI. Part 1. Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Washington: GPO, 2020 (далее – FRUS 2020). P. 245–246; National Archives and Records Administration. Records of Sheldon J. Krys Relating to Iran Hostages, 10/12/1977 – 5/14/1985. Iran Working Group Situation Reports No. 45. P. 1.*

⁴ *FRUS 2020: 86–88.*

большее, чем участие ЦРУ в сборе информации среди курдов, Картер не стал. Он рассчитывал разрешить иранский кризис дипломатически, чтобы сохранить потенциал Тегерана для дестабилизации соседнего просоветского государства.

Ввод советских войск в Афганистан принципиально изменил ситуацию. Бжезинский в этой связи писал Картеру, что «советской “решительности” противопоставлена наша сдержанность, которую уже нельзя называть благоразумной». Он воспринимал события в Иране и в Афганистане как целостный региональный кризис, который следовало решать комплексно, жёсткими методами⁵. Позиции «ястребов» усилились и стали доминирующими, что пришлось признать и президенту (Rubin 1985: 107; Sargent 2015: 288).

Помощника президента по национальной безопасности поддержал Сик, заявивший, что время уступок Хомейни «ради сохранения репутации» прошло. Все допустимые уступки сделаны, но иранская сторона отказалась ими воспользоваться. Настало время «действовать решительно и упорно, стиснув зубы», даже если это «не даст немедленного результата»⁶. В аппарате Белого дома и СНБ именно Сик стал главным сторонником привлечения курдов на американскую сторону в случае проведения военной операции.

Если ввод советских войск в Афганистан привёл к усилению позиций «ястребов» в Администрации Картера, то ситуация с Ираном была отягощена сдерживающими обстоятельствами: в заложниках у радикалов-исламистов находились граждане США, а попытка военной операции под предлогом их освобождения гипотетически угрожала прямым столкновением сверхдержав (Кременюк 1984: 127). К тому же моральное осуждение Вашингтоном вмешательства СССР в дела ДРА делало возможную силовую операцию против ИРИ уязвимой для критики в американском и мировом общественном мнении (Njølstad 2010: 150; Murray 2010: 32–33).

Утром 2 января 1980 г. состоялось заседание Специального координационного комитета (СКК)⁷, главной темой которого были тайные операции против Ирана⁸. Хотя большинство участников совещания сходились во мнении, что поддержка сепаратистских групп не отвечает интересам США, Бжезинский высказался в том смысле, что считает дезинтеграцию Ирана неизбежной, и заявил, что предпочитает видеть его лучше «разделённым, чем единым и про-

⁵ FRUS 2018: 265–266.

⁶ FRUS 2020: 340–341.

⁷ Комитет был создан распоряжением Картера в мае 1977 г. в целях подготовки рекомендаций для СНБ. В его состав вошли советник президента по национальной безопасности, государственный секретарь, министр обороны, директор центральной разведки, председатель Объединённого комитета начальников штабов (ОКНШ), генеральный прокурор и директор административно-бюджетного управления (последние двое в качестве наблюдателей до января 1978 г.). Председателем был вице-президент, а в случае отсутствия – либо государственный секретарь, либо советник по национальной безопасности (Юнгблюд, Сенников 2023).

⁸ FRUS 2020: 344.

советским». Картер поддержал этот тезис⁹. Было решено развивать контакты со всеми оппозиционными группами, включая курдов, не отдавая предпочтения ни одной конкретной.

На последующих заседаниях СКК (с 5 по 18 января) обсуждались главным образом возможности проведения военной операции. Большинство участников выступали за усиление военно-морской группировки в районе Персидского залива, а Бжезинский и его подчинённые (Д. Аарон, У. Одом) при поддержке ЦРУ (С. Тёрнер, Ф. Карлуччи) предлагали разработать планы вторжения или нанесения ударов по Ирану¹⁰. Против прямого вмешательства высказывался только Вэнс. Д. Ньюсом из Госдепартамента предложил военные приготовления в Индийском океане вести под предлогом ответа на советское вторжение в Афганистан, чтобы не дать режиму Хомейни повода использовать эти факты для консолидации сторонников¹¹.

Оценки Объединённого комитета начальников штабов (ОКНШ), Разведывательного управления министерства обороны (РУМО) и ЦРУ были подготовлены к 1 февраля. Они прогнозировали положительный для США исход конфликта в случае невмешательства СССР¹².

Наиболее «дипломатичную» позицию занял Вэнс. Его план был рассчитан на то, что иранское правительство под воздействием афганской ситуации скорректирует политику и рассмотрит американские предложения по урегулированию кризиса¹³. Он также выступил за смягчение ответа на советские действия в Афганистане и поддержал своего помощника М. Шульмана, специалиста по СССР, утверждавшего, что «советское вторжение в Афганистан было вызвано угрозой возникновения полумесяца враждебных антисоветских стран на его южных границах» (Emery 2013: 155). Возражения Бжезинского основывались на выводах разведки и ОКНШ, утверждавших, что Советский Союз нацелен на продвижение к Персидскому заливу и будет дестабилизировать Иран. Взгляд Вэнса–Шульмана был назван наивным, мнение Бжезинского возобладало.

Картер занимал двойственную позицию. На афганском направлении он соглашался на ужесточение курса, но в иранских делах старался придерживаться более дипломатической линии, полностью не отвергая силового варианта. Как отметил член аппарата Белого дома С. Эйзенстат, Картер отклонил предложение Бжезинского «разбомбить Тегеран к чертям, даже если погибнут заложники», предпочтя переговорную тактику и тайные операции (Eizenstat 2020: 803, 808). Работавшие аналитиками в РУМО и ЦРУ в 1970–1980-х гг. Ч. Коган

⁹ *FRUS 2020*: 344.

¹⁰ *FRUS 2020*: 346–347, 357, 358–361, 364–365.

¹¹ *FRUS 2020*: 408–409.

¹² *FRUS 2020*: 439–440.

¹³ *FRUS 2020*: 348–350; Public Papers of the Presidents of the United States, 1980–81. Book 1: January 1 to May 23, 1980. Washington: US GPO, 1981. P. 11.

и Б. Ридель действия Картера характеризовали как «квазипацифизм», поясняя, что президент отказывался от жёстких мер до наступления момента агонии – точки, когда уже невозможно ничего не делать; и только тогда принималось решение, наиболее активно проталкиваемое кем-то из его помощников (не всегда сбалансированное и адекватное ситуации) (Blight 2014: 79–80).

Одним из пунктов повестки предполагаемых переговоров между США и Ираном были двусторонние консультации по поводу «угрозы, исходящей от советского вторжения в Афганистан». С этой целью Вашингтон был готов направить в Иран своего представителя. В случае урегулирования кризиса не исключалось оказание Тегерану помощи в укреплении безопасности и возобновление американских военных поставок. Параллельно развивалась эпопея по перемещению шаха М.Р. Пехлеви из США сначала в Панаму, а затем в Египет¹⁴.

Однако дипломатические инициативы и жесты не были удостоены официального внимания Тегерана – те чиновники, с которыми американцам удавалось установить контакты, действовали только от своего имени. По этому поводу Сик саркастически заметил: «Мы ведём переговоры сами с собой»¹⁵.

Тем временем Картер сделал ряд публичных заявлений, свидетельствовавших об отсутствии у Администрации согласованной стратегии. Наличие в его выступлениях противоположных по смыслу тезисов – о стремлении решить иранский кризис мирными средствами «без кровопролития», о готовности защищать интересы США в регионе силой, об угрозе советского экспансионизма в Юго-Западной Азии для мировых поставок нефти и необходимости для всех стран региона, в том числе Ирана, противодействовать этому¹⁶ – расценивалось как следствие разногласий между Бжезинским и Вэнсом. Тем не менее в большинстве его выступлений иранская и афганская проблемы звучали в связке и выглядели взаимозависимыми (Garthoff 1994: 944).

Итоговым ответом Белого дома на иранский и афганский вызовы стала доктрина Картера, озвученная 23 января 1980 г. (Carter 1982: 471–472), в которой он обвинил Советский Союз в нарушении международного порядка и призвал «союзников и друзей» США консолидироваться для отпора советским «радикальным и агрессивным шагам»¹⁷. Касаясь отношений с Ираном, президент подчеркнул важность сохранения жизней заложников и их скорейшего освобождения, дезавуировал обвинения в агрессивных намерениях Вашингтона. Возможность применения силы он допускал только в случае актов насилия в отношении американских дипломатов. Президент призвал союзников США поддержать амери-

¹⁴ FRUS 2020: 363, 376, 502–503.

¹⁵ FRUS 2020: 361–362, 433–434, 437.

¹⁶ В пресс-релизах по итогу встреч с чиновниками Белого дома 2 и 11 января, в общении с конгрессменами и сенаторами 3 и 8 января, в обращении к нации 4 января, на встречах с прессой 7, 15 и 20 января, на встрече с представителями бизнеса 13 января. См.: *Public Papers...*, Book 1, 1981, P. 21–22, 36, 38–42, 64, 68–69, 72, 87–88, 111–113.

¹⁷ *Public Papers...*, Book 1, 1981. P. 194.

канский курс, а руководство Ирана – понять, что «настоящая угроза их народу исходит с севера от Советского Союза и советских войск в Афганистане». Ирану предлагалось прекратить «безосновательные споры» с США и ответить на более значимую опасность¹⁸.

В Белом доме надеялись, что иранский режим, осознав угрозу в лице СССР, освободит заложников и присоединится к политике США в отношении Афганистана (Emery 2013: 156). Однако антисоветскую риторику в Иране поддерживали лишь немногие интеллектуалы и члены правительства¹⁹. На религиозных деятелей, занятых в тот момент консолидацией власти внутри страны, заметного впечатления доктрина Картера не произвела. В течение месяца после ввода советских войск высшие иранские лица подходили к афганскому вопросу сдержанно (Муртазаева 2012: 87–88; Emery 2013: 157, 166), тогда как американское правительство, опираясь на ошибочные выводы собственных экспертов, питало иллюзорные надежды на рост антисоветских настроений²⁰.

В начале февраля 1980 г. Хомейни выступил с посланием, провозгласив доктрину экспорта исламской революции. Он заявил, в частности, что Иран не будет ни с прозападным, ни просоветским, но будет происламским и джихадистским (сражающимся за идеалы ислама) (Орлов 1999: 110). Послание, на Западе иногда называемое доктриной Хомейни, стало ответом Тегерана как на ввод советских войск в Афганистан, так и на доктрину Картера.

4 февраля президентом ИРИ стал А. Банисадр, имевший репутацию «исламского экономиста» (Виноградов 2016: 151–153). Он был умеренным сторонником Хомейни, выступал с позиций неприсоединения и равного сотрудничества с обеими сверхдержавами, критиковал как ввод советских войск в Афганистан, так и рост американского присутствия на Ближнем и Среднем Востоке. Банисадр считал необходимым скорейшее разрешение вопроса с заложниками, чтобы снять санкционное давление на страну (Фёдорова 2004: 27). При этом он противопоставлял себя Базаргану, проводившему курс на улучшение отношений с США, обвинял Вашингтон в поддержке сепаратизма иранских этнических меньшинств, особенно курдов (Emery 2013: 157–158, 166).

Ещё до вступления в должность Банисадр через египетского журналиста М. Хейкала направил в Вашингтон письмо, в котором обещал сделать вопрос об освобождении заложников приоритетным и разрешить его в марте. Он также снял все претензии к США по поводу экстрадиции шаха (но не его имущества). Послание было хорошо воспринято в Белом доме, хотя там и надеялись уладить

¹⁸ *Public Papers...*, Book 1, 1981. P. 195.

¹⁹ Посол В.М. Виноградов прямо обвинял С. Готбзаде (министра иностранных дел Ирана в ноябре 1979 – сентябре 1980 гг.) в антисоветизме и выслуживании перед американцами, а также в организации нападения на советское посольство 1 января 1980 г. См.: (Виноградов 2016: 144, 148).

²⁰ Memorandum "A Soviet «Best Case» for Military Intervention in Iran", 19 February 1980. CIA Electronic Library; *FRUS* 2020: 374–375, 384, 411–412.

всё быстрее²¹. В условиях высокой политической турбулентности даже такой человек, как Банисадр, немногим более светский, чем исламское духовенство вокруг Хомейни, оценивался как достаточно хороший партнёр для переговоров²².

Ситуация для Вашингтона оставалась тревожной. Хотя избрание Банисадра, казалось бы, играло на руку в афганском кризисе и могло сдвинуть с места вопрос с заложниками, доктрина Хомейни создавала угрозу радикализации ислама в соседних мусульманских странах – Ираке, Пакистане, Саудовской Аравии. Новый курс Тегерана не гарантировал соблюдения интересов США в регионе и шёл вразрез с доктриной Картера²³. Другим фактором, серьёзно повлиявшим на оценку американским руководством ситуации в Иране и готовность сотрудничать с новым президентом ИРИ, были опасения дальнейшей экспансии СССР на юг – в Иран и Пакистан. РУМО и ЦРУ оценивали вероятность такого сценария высоко, чем не преминул воспользоваться Бжезинский, сохранявший в поле зрения Белого дома военный вариант разрешения конфликта²⁴.

В таких обстоятельствах Администрация Картера решила спонсировать создание комиссии ООН для рассмотрения иранских претензий к США. Тегеран отреагировал положительно и согласился принять комиссию²⁵. В Вашингтоне рассчитывали, что посредничество ООН ускорит освобождение заложников. Картер был более чем оптимистичен на этот счёт, и заявил, что желает видеть Иран «единым, независимым, свободным и защищённым», намекнув, что в случае запроса о помощи Штаты готовы её оказать²⁶. Иранскому правительству были направлены секретные предложения о разработке общих подходов к советской угрозе в Афганистане и обмене информацией (точнее, о её передаче американцами иранцам) о передвижении и дислокации советских войск (Emery 2013: 159). Послания остались без ответа, однако в марте 1980 г. иранский режим заявил, что не приемлет дальнейшего нахождения советских войск на территории Афганистана. Тегеран также предпринял первые поставки вооружения исламской (шиитской) оппозиции в Афганистане (Никитенко 2004: 72; Топорков 2014: 142).

Одновременно Вашингтон направил дополнительные военные корабли и подразделения морской пехоты в Индийский океан, чтобы продемонстрировать потенциал развёртывания и усилить уже имевшуюся там группировку. Этот жест вызвал со стороны Ирана дипломатические протесты. Переброска дополнительных армейских частей американской армии в зону Персидского залива под предлогом ответа на советскую агрессию оценивалась в Тегеране как подготовка «карательных мер» против Ирана (Кременюк 1984: 129–130).

²¹ FRUS 2020: 459–461.

²² Public Papers..., Book 1, 1981, P. 724.

²³ Public Papers..., Book 1, 1981. P. 228.

²⁴ FRUS 2020: 475–476, 488.

²⁵ FRUS 2020: 493.

²⁶ FRUS 2020: 485; Public Papers..., Book 1, 1981, P. 356, 386.

Курдская тема в американской повестке, январь–март 1980 г.

На фоне событий в Иране и Афганистане американские разведывательные службы не прекращали следить за развитием ситуации в Иранском Курдистане, где с начала 1980 г. активизировались антихомейнистские силы²⁷.

В докладах ЦРУ, подготовленных в конце декабря, когда между Тегераном и курдами действовало негласное соглашение о прекращении огня, сообщалось о воздействии советского вторжения в Афганистан на пограничные с СССР районы, где проживали этнические меньшинства, в том числе на Иранский Курдистан. Утверждалось, что Москва могла стоять за временным перемирием между исламской властью и курдскими мятежниками; указывалось на косвенную советскую вовлечённость в гуманитарную поддержку странами социалистического блока левоориентированных курдских организаций. По мнению аналитиков разведки, тлеющий конфликт на окраине Ирана был выгоден Москве для давления на режим Хомейни²⁸.

В ежедневном докладе ЦРУ от 2 января уже утверждалось, что нет прямых доказательств связи между иранскими курдами и СССР, что их интересы различаются – если курды хотят независимости, то Москва через партию «Туде» поддерживает исламский режим²⁹. 3 января указывалось, что курды предпочитают ненасильственные демонстрации, заявляют о приверженности территориальной целостности Ирана, требуют автономии и вывода из Иранского Курдистана сил Корпуса стражей исламской революции (КСИР)³⁰. Подобные разночтения свидетельствовали, во-первых, о сложностях с получением информации в связи с утратой постоянных контактов с местной агентурой; во-вторых, о разном отношении к курдам разных оперативных и аналитических групп разведки; в-третьих, о наличии разнонаправленных запросов из высших инстанций, пытавшихся включить курдское движение в собственное видение происходящего.

6 января Сик встречался на конспиративной квартире в Нью-Йорке с делегатами иранской оппозиции, среди которых был представитель курдского движения (состав делегации не рассекречен). Обсуждались как общая политическая ситуация в Иране, так и конкретные действия, которые можно было предпринять для дестабилизации режима Хомейни. Важно отметить, что иранская оппозиция обозначила иранский новый год (Навруз – 21 марта 1980 г.)

²⁷ FRUS 2020: 427–428.

²⁸ Memorandum "Iran: Growing Leftist Influence Among Minorities", January 1, 1980. *CIA Electronic Library*; Memorandum "Impact of Iranian and Afghan events on South Asia", January 1, 1980. *CIA Electronic Library*.

²⁹ National Intelligence Daily, Wednesday, January 2, 1980. *CIA Electronic Library*.

³⁰ National Intelligence Daily, Thursday, January 3, 1980. *CIA Electronic Library*. Отдельные вооружённые формирования КСИР были введены в центральные города провинций Западный Азербайджан (Урмия, Мехабад) и Кордестан (Сенендедж) в августе 1979 г. после того, как полицейские и армейские части показали малую эффективность в подавлении этнических выступлений.

крайней точкой для начала политических выступлений³¹. ЦРУ предполагало, что иранские курды и азербайджанцы из числа сторонников умеренно-либерального аятоллы М. Шариатмадари отправятся маршем протеста в Кум (город, где располагалась резиденция аятоллы Хомейни и где под стражей содержался Шариатмадари)³².

12 января Сик писал, что ситуация в Иранском Курдистане поставила страну на грань гражданской войны, и чтобы этого не допустить, официальному Тегерану придётся пойти на сотрудничество с США. Он также считал, что события в соседнем Афганистане заботят Хомейни куда серьёзнее, чем он показывает это на публике. Контакты со сторонниками режима тем не менее свидетельствовали об обратном. Располагая противоречивой информацией, 15 января члены СКК решили в публичных выступлениях связывать рост курдского сопротивления в Иране с советским влиянием и пытаться убедить в этом Тегеран через открытые и секретные каналы³³.

В начале февраля по заказу СНБ был подготовлен доклад ЦРУ «Курды Ирана: суровые люди на суровой земле». В нём утверждалось, что, несмотря на фактическое получение курдами автономии, в исламской республике она не легализована должным образом, что привело к противостоянию курдов с режимом Хомейни. Доклад указывал на неспособность правительства Банисадра решить курдский вопрос силой и содержал краткий анализ специфики территории Иранского Курдистана на случай развёртывания здесь боевых операций, содержание которого выходило за рамки возможностей самих курдов и даже иранской армии (речь шла о применении танков, авиации, артиллерийских и ракетных систем)³⁴.

В феврале 1980 г. Демократическая партия Иранского Курдистана (ДПИК) провела IV партийный съезд в Мехабаде и, несмотря на продолжавшееся противостояние с исламским режимом, в целом одобрила итоги иранской революции 1979 г. и высказалась в пользу территориальной целостности страны. Главным условием примирения выдвигалась автономия (этническая, а не религиозная, как предлагал Тегеран). Съезд одобрил программу президента Банисадра и призвал к расширению свободы этнических меньшинств (Entessar 2017: 311). В тот момент подобная риторика отвечала интересам Вашингтона.

Однако уже во второй половине февраля 1980 г. исламский режим отклонил претензии курдов на автономию, отказался от прекращения огня, объявил о запрете курдских политических партий и организаций, в Иранском Курдистане стали сосредотачиваться дополнительные подразделения КСИР и религиозно-

³¹ FRUS 2020: 353–355.

³² National Intelligence Daily, Wednesday, January 9, 1980. *CIA Electronic Library*.

³³ FRUS 2020: 375, 384, 391.

³⁴ Memorandum “The Kurds of Iran: A Rugged People in a Rugged Land”, February 1, 1980. *CIA Electronic Library*.

го ополчения (басидж) для подавления выступлений меньшинств (Арабаджян 1989: 268–270; Entessar 2017: 312). Действия Тегерана немедленно вызвали ответную реакцию – отдельные курдские организации в сотрудничестве с Парижской группой иранской оппозиции, возглавляемой последним шахским премьер-министром Ш. Бахтияром и спонсируемой правительством Ирака, приступили к подготовке вооружённого свержения исламского режима³⁵. В Вашингтоне считали, что подобные планы не представляют серьёзной угрозы власти Хомейни, но могут пошатнуть положение нового иранского президента, а значит, и повредить перспективам освобождения заложников. Планы оппозиции и курдов на данном этапе не нашли понимания и поддержки в Вашингтоне.

Миссия спасения: планы и результаты, март–апрель 1980 г.

Надежды Картера на скорое решение проблемы с заложниками не оправдались. В первой половине марта стало ясно, что Тегеран не стремится прийти к взаимопониманию ни с аппаратом ООН, ни с американцами³⁶. Разведка и иностранные дипломаты сообщали, что «ученики имама», захватившие заложников, не признавали Банисадра и не собирались ничего делать без разрешения *рахбара*³⁷. В тот момент произошло ухудшение здоровья Хомейни, который устранился от текущих дел³⁸. Иные клерикальные лидеры не были заинтересованы в освобождении заложников, а у Банисадра не хватало авторитета и власти что-либо предпринять. «Ученики имама», получив свободу действий, отказались допускать членов комиссии ООН к заложникам. Деятельность комиссии окончилась безрезультатно, она покинула Иран³⁹, что вызвало раздражение американского руководства⁴⁰.

Возникшее напряжение в отношениях Банисадра, выступавшего за освобождение заложников на приемлемых условиях, и сторонников жёсткой исламской линии во главе с аятоллой М. Бехешти, выдвигавшим заведомо невыполнимые для США требования, при публичном нейтралитете *рахбара*, использовавшего борьбу для укрепления собственного авторитета, замедлило переговоры⁴¹ (Виноградов 2016: 165–166; Entessar 2017: 312). К началу апреля появились признаки сближения позиций Банисадра и Хомейни по курдскому вопросу. В США рассчитывали на договороспособность иранского президента

³⁵ FRUS 2020: 478.

³⁶ Public Papers..., Book 1, 1981, P. 455.

³⁷ FRUS 2020: 489.

³⁸ FRUS 2020: 493, 495.

³⁹ FRUS 2020: 507, 510, 518–519.

⁴⁰ FRUS 2020: 520; Public Papers..., Book 1, 1981, P. 459.

⁴¹ FRUS 2020: 498; Public Papers of the Presidents of the United States, 1980–81. Book 2: May 24 to September 26, 1980. Washington: US GPO, 1982, P. 1088; National Intelligence Daily, Tuesday, March 11, 1980. CIA Electronic Library.

и отнеслись к этой новости сдержанно, хотя разведка и указывала, что восприимчивость к хомейнистской повестке может быть следствием слабости его позиции⁴².

Руководство США по-прежнему пользовалось противоречивыми сведениями по курдской теме. В одном из докладов разведки в первой половине марта утверждалось, что курдские организации идут на обострение отношений с центральным правительством по прямому указанию КГБ СССР⁴³, но менее чем через три недели сообщалось, что ДПИК исключила из своих рядов сторонников просоветской партии «Туде» из-за разногласий в вопросах взаимодействия с исламским режимом⁴⁴. Отмечалось также, что базировавшаяся в советском Азербайджане радиостанция «Национальный голос Ирана» перестала вещать на курдском языке⁴⁵.

Во второй половине марта Белый дом ужесточил риторику и стал прямо называть удерживавшие заложников вооружённые формирования террористами⁴⁶. На заседании СНБ 11 марта обсуждались целесообразность разрыва дипломатических отношений и установления военно-морской блокады Персидского залива. Несмотря на позитивное отношение участников заседания к проведению спецопераций на территории ИРИ⁴⁷, президент не торопил события. Только 25 марта он сообщил европейским союзникам, что, если заложники не будут освобождены к началу мая, США предпримут решительные действия (Emery 2013: 167). Очевидно, в тот момент Картер всё ещё надеялся договориться с Банисадром. Несмотря на доклады разведки и мнение отдельных аналитиков, он, вероятно, не до конца осознавал, что возможности иранского президента серьёзно ограничены – реальные рычаги управления находились у Исламского революционного совета (Jordan 1982: 179–181). Тем не менее по распоряжению аппарата СНБ, ОКНШ, РУМО и ЦРУ ускорили разработку планов секретной военной операции⁴⁸.

7 апреля Хомейни объявил, что проблема заложников будет передана на обсуждение депутатам нового состава меджлиса (выборы были назначены на конец апреля), тем самым выхватив инициативу из рук иранского правительства. Реакция Администрации США была, как ей казалось, жёсткой: Картер объявил о разрыве дипломатических отношений с Ираном, введении полного экономического эмбарго⁴⁹. Он также заявил, что готов к применению «законной силы»,

⁴² National Intelligence Daily, Wednesday, April 2, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁴³ Memorandum "Soviet Covert Action in Iran", March 10, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁴⁴ Memorandum "Iran: Recent Tudeh Party Activity", April 1, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁴⁵ Memorandum "National Voice of Iran Broadcasts: January–March 1980", April 1, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁴⁶ *Public Papers...*, Book 1, 1981, P. 490.

⁴⁷ *FRUS 2020*: 521–525.

⁴⁸ *FRUS 2020*: 517.

⁴⁹ *Public Papers...*, Book 1, 1981, P. 611–615.

и назвал иранское правительство либо недобросовестным в своих обещаниях, либо слишком слабым, чтобы их выполнить⁵⁰. Однако эти заявления на Хомейни впечатления не произвели (Кременюк 1984: 130–131; Emery 2013: 166).

В течение первой половины апреля Бжезинский призывал президента к жёстким действиям, используя в качестве рычага давления советский фактор. Его главный аргумент сводился к тому, что, как и в случае с Афганистаном, советский курс в отношении Ирана с неизбежностью приведёт к вторжению: «Если Москва решит действовать, у нас будет не больше пары дней, чтобы отреагировать»⁵¹. Согласно его логике, демонстрация силы в Иране была необходима не столько ради спасения заложников, сколько для сдерживающего воздействия на Советский Союз. Примерно в то же время директор ЦРУ С. Тёрнер отмечал, что в Белом доме осознавали, что одними санкциями невозможно снизить накал критики избирателями и СМИ нерешительного курса Администрации (Zegart 2022: 178).

Картер склонялся к сочетанию сдержанности и осторожной демонстрации силы (минированию иранских вод в Персидском заливе), но эксперты СНБ и ОКНШ считали этого недостаточным. Министр обороны Г. Браун заявил, что имитация решительных действий не приведёт к возвращению заложников домой, а глава аппарата Белого дома Г. Джордан с мрачным сарказмом добавил: «Разве что в гробах» (Eizenstat 2020: 809). За исключением госсекретаря Вэнса практически все высшие чины высказывались за проведение спасательной операции⁵² (Eizenstat 2020: 824, 826; Glad 2009: 263–264; Rubin 1985: 119).

П. Хенце, аналитик СНБ и бывший эксперт ЦРУ в области советского радиовещания, писал Бжезинскому, что «СССР не сможет устоять перед искушением захватить большую часть Ирана». Москва, по его мнению, намеренно провоцировала внутреннюю нестабильность в Иране, используя для этого радикальные левые группы и меньшинства, в том числе курдские группировки. Хенце прогнозировал, что в случае военной операции США Иран распадётся на несколько частей, и, если Вашингтон желает этого избежать, ему необходимо готовить полномасштабное вторжение («оккупацию значительной части страны»)⁵³.

Бжезинский основательно подготовил президента к обсуждению образовавшейся тупиковой ситуации. В направленной Картеру 10 апреля памятной записке он подробно рассмотрел потенциальные плюсы и минусы двух альтернативных стратегий. Первая из них предполагала постепенную эскалацию иранского кризиса, допускавшую поэтапное наращивание силового давления (вплоть до объявления войны) с целью «убедить аятоллу и его последователей

⁵⁰ *Public Papers...*, Book 1, 1981, P. 633, 660.

⁵¹ *FRUS* 2020: 681–682, 692–694.

⁵² *FRUS* 2020: 686–689.

⁵³ Henze to Brzezinski, 'Iran and Soviets', April 11, 1980. *CIA Electronic Library*.

в том, что дальнейшее удержание заложников обречено на провал». Согласно второй, предлагалось провести спасательную операцию, которая в случае успеха «лишала аятоллу рычага давления на переговорах и разрушала присущую ему ауру непобедимости». Предвидя возможный ответ Тегерана на вооружённую акцию американских спецслужб на своей территории, он предлагал «практически сразу же нанести массированные удары по ключевым иранским объектам»⁵⁴.

Первый из предложенных вариантов он рекомендовал отклонить, исходя из того, что политика «градуированного давления» вдохновит племена курдов и другие оппозиционные силы на восстание против клерикального режима, что могло стать «непреодолимым соблазном для СССР перейти границу». Ключевой аргумент в его аналитических построениях сводился к идее неразрывной взаимосвязи между якобы инициированными Москвой событиями в Афганистане и Иране. В случае поэтапного нагнетания американского силового давления он предсказывал интервенцию советских вооружённых сил и создание под предлогом «защиты исламской революции» нового правительства Ирана, подконтрольного партии «Туде». При этом он ссылаясь на высокую вероятность повторения афганского сценария: «Советы неуклонно наращивали свой военный потенциал вблизи иранской границы и заручились поддержкой своих сторонников в этой стране, поддерживая Хомейни против США»⁵⁵. Хотя в рассуждениях Бжезинского имелись логические неувязки и отсутствовали ссылки на факты, впечатление на президента они произвели.

План спасательной операции, о которой шла речь с ноября 1979 г., обсуждался на заседаниях СНБ 11 и 15 апреля, а 16 апреля письменно был одобрен президентом⁵⁶. Картер согласился на миссию спасения заложников, но отказался от более масштабных акций (Emery 2013: 167). 17 апреля он публично предупредил иранское руководство, что, если заложники не будут освобождены, «Соединённые Штаты примут меры», как уже задействованные экономические и политические, так и пока не применявшиеся военные. Соглашаться на затягивание с решением этого вопроса (иранцы предполагали отложить решение до лета 1980 г.) он не собирался⁵⁷.

Незадолго до начала операции ЦРУ предоставило ситуационный анализ положения дел в иранской оппозиции. Эксперты утверждали, что, несмотря на разногласия между различными группами, в случае масштабной атаки США те выступят единым фронтом. Прогнозировались протестные выступления

⁵⁴ FRUS 2020: 672.

⁵⁵ FRUS 2020: 671-673.

⁵⁶ FRUS 2020: 690, 701.

⁵⁷ Public Papers..., Book 1, 1981, P. 705, 707, 709.

в Иранском Курдистане⁵⁸. 19–21 апреля там имели место столкновения курдских вооружённых групп и правительственных сил, что могло свидетельствовать о подготовке к более крупным выступлениям⁵⁹.

Решение Картера ограничиться миссией спасения заложников, отказавшись от бомбардировок Тегерана и захвата нефтеносных южных районов, вызвало негодование Бжезинского. Ещё больше он был недоволен отстранением СНБ от оперативного управления миссией – ответственность была возложена на Министерство обороны и ОКНШ. Операция готовилась в условиях повышенной секретности, меры предосторожности распространялись даже на Белый дом, поскольку считалось, что советские агенты и отсюда могут черпать информацию (Brzezinski 1983: 495–497; Carter 1982: 510–517; Eizenstat 2020: 826–828; Jordan 1982: 241–253).

Операция «Орлиный коготь» (Eagle Claw) прошла в ночь с 24 на 25 апреля и закончилась полным провалом⁶⁰. Миссию пришлось прервать фактически на начальной стадии из-за существенных небоевых потерь, просчётов в планировании и полной утраты фактора внезапности. Вторгнувшаяся на территорию Ирана с целью освобождения заложников группа «Дельта» была эвакуирована на транспортных самолётах, бросив на месте высадки тела восьми погибших военнослужащих, пять новейших вертолётов и большое количество секретной документации. Утром 25 апреля в обращении к нации президент признал провал, заявив, что операция носила гуманитарный характер и не была направлена против Ирана или его граждан⁶¹. Сведения об инциденте вызвали шквал критики как в США, так и по всему миру⁶² (Eizenstat 2020: 833, 835; Herring 2017: 559).

В работах советских авторов упоминалось, что операция 25 апреля должна была стать «сигналом для выступления противников режима Хомейни», а «военно-морские силы США в Персидском заливе были готовы поддержать это выступление» (Арабаджян 1989: 391; Кременюк 1984: 134). Возможно, эти предположения и имели основания⁶³, но к моменту прекращения операции восстания даже не начались.

Как позднее утверждал С. Эйзенстат, расчёт Бжезинского строился на том, что в ходе акции удастся завязать бои, сопровождающиеся потерями среди заложников, участников штурмовой спецгруппы, а также иранских «террористов». При таком повороте событий Иран сам мог объявить войну, освободив Картера от «моральных терзаний» (Eizenstat 2020: 827; Glad 2009: 266). Помощь

⁵⁸ FRUS 2020: 698–701.

⁵⁹ National Intelligence Daily, Saturday, April 19, 1980. CIA Electronic Library; National Intelligence Daily, Monday, April 21, 1980. CIA Electronic Library.

⁶⁰ FRUS 2020: 706–708, 728–730.

⁶¹ FRUS 2020: 733; Public Papers..., Book 1, 1981, P. 772–773.

⁶² Public Papers..., Book 1, 1981, P. 787, 794–796, 799–800, 876, 888; The Washington Post, April 26, 1980.

⁶³ NSC Weekly Report #138, April 25, 1980. CIA Electronic Library.

ник президента в своих воспоминаниях таких подробностей не приводил, но заметил, что лично он «не испытывал политических или моральных угрызений» в связи с проведением миссии, и считал, что она обернулась «парадоксальной выгодой» для американской внешней политики (Brzezinski 1983: 500).

Б. Глэд, подробно изучившая эти события, пишет, что подобные операции в XX в. чаще всего заканчивались неудачами, а в условиях таких густонаселённых городов, как Тегеран, они вообще никогда не проводились. По предварительным оценкам ЦРУ потери могли составить около 45% среди бойцов и 60% среди заложников. С учётом слабой подготовленности десантировавшейся группы и межведомственной разобщённости, неудачная попытка 25 апреля, по её мнению, выглядела даже лучше, чем предполагавшийся удачный исход (Glad 2009: 265–267). «Парадоксальные выгоды» операции «Орлиный коготь», о которых писал Бжезинский, заключались, по его мнению, в снижении градуса воинственности массовых настроений в США, что позволило сконцентрироваться на дипломатических методах урегулирования кризиса, для самой Администрации обернулись катастрофой, непоправимой в условиях начавшихся президентских выборов.

Курс на восстановление связей с курдской оппозицией, апрель–август 1980 г.

Неудача с вызволением заложников нанесла ущерб репутации президента (Sargent 2015: 293). Бжезинский – главный инициатор акции спасения – ввиду того, что его прогнозы на возможное восстание курдов или вторжение советских войск со стороны Афганистана подтверждения не получили, также понёс существенные репутационные потери. Тем не менее уход с поста государственного секретаря Вэнса (28 апреля) обнажил внутренние разногласия в Администрации⁶⁴ и закрепил победу «ястребов» в длительной аппаратной борьбе. С уходом Вэнса администрация потеряла одного из главных сторонников «сдержанности» в отношении советской политики на Ближнем и Среднем Востоке. Пришедший ему на смену Э. Маски не возражал против военной эскалации и тайных операций⁶⁵.

После неудачной миссии освобождения иранцы вывезли заложников и здания посольства и рассредоточили по разным уголкам страны. В конце мая 1980 г. собрался меджлис, которому было доверено решение их судьбы. Парламентарии избрали тактику затягивания обсуждения. Тем временем кончина в Египте

⁶⁴ *Public Papers...*, Book 1, 1981, P. 781.

⁶⁵ *FRUS* 2020: 767.

бывшего шаха в июле 1980 г.⁶⁶, чей въезд в США в октябре 1979 г. и спровоцировал захват посольства, устранила один из факторов американо-иранских разногласий (Виноградов 2016: 149).

В апреле и мае Вашингтон отверг предложения советского и афганского правительств по урегулированию конфликта, назвав их «косметическими и ничего не значащими» и потребовав прелиминарного вывода советских войск из Афганистана (Иващенко 1997: 81). На майской встрече в Вене А.А. Громыко, в свою очередь, сдержанно критиковал дебютировавшего госсекретаря за действия США в Иране⁶⁷.

Тем временем в отношении ИРИ был разработан «новый дипломатический» курс. Предлагалось умеренное расширение санкций в сочетании с угрозами применить военную силу в случае нанесения вреда заложникам. Главная ставка делалась на достижение результата дипломатическим путём. Расчёт строился на страхе Ирана перед угрозой военной операции, в которой Вашингтон поддерживает иранская оппозиция и курды: «Не следует разубеждать их в том, что мы можем это сделать, даже если не будем»⁶⁸. Официальным и неформальным иранским лидерам рекомендовалось сообщать о стремлении США сохранить территориальную целостность Ирана и мирным путём решить вопросы с этническими меньшинствами, в то же время продолжая работу с оппозиций и поощряя её антиправительственные устремления⁶⁹. Применительно к иранским курдам такой курс означал позитивный нейтралитет в случае их восстания против режима, при готовности от него немедленно отказаться и игнорировать курдский вопрос, если удастся договориться с Тегераном по главным вопросам собственной повестки. Картер внёс в этот план дополнительный пункт – при работе с оппозиционными группами сообщать им, что не стоит ожидать прямого финансирования и открытой поддержки до тех пор, пока все заложники не будут освобождены⁷⁰. В середине мая в общении с прессой он подтвердил, что военная операция в Иране остаётся среди опций его правительства⁷¹.

В конце апреля иранские курды пошли на соглашение по прекращению огня с правительством Банисадра. Однако аятолла Хомейни раскритиковал президента за мягкую позицию в отношении симпатизантов США «в критический момент американского вторжения»⁷². Банисадр быстро изменил отношение к курдам, повторив критику Хомейни в их адрес, и отказался направлять делегацию на переговоры⁷³.

⁶⁶ FRUS 2020: 868.

⁶⁷ FRUS 2020: 779–780.

⁶⁸ FRUS 2020: 744–747.

⁶⁹ FRUS 2020: 748.

⁷⁰ JCPL. Office of the Chief of Staff Files. *Hamilton Jordan's Confidential Files*, 1977–1980. Iran, 5/80. Container 35. P. 11.

⁷¹ *Public Papers...*, Book 1, 1981, P. 882.

⁷² National Intelligence Daily, Monday, April 28, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁷³ National Intelligence Daily, Wednesday, April 30, 1980. *CIA Electronic Library*.

Антикурдская военная кампания Тегерана достигла пика в мае, когда был захвачен один из главных центров курдского движения – город Сенендедж, в котором по разным оценкам было истреблено от 5 до 10 тыс. человек (Арабаджян 1989: 233). По этому поводу Хомейни выразил надежду, что «с помощью Аллаха, армии и Корпуса стражей исламской революции Курдистан будет освобождён от курдов-безбожников»⁷⁴. На первом заседании парламента Банисадр яростно порицал курдских сепаратистов, призвал нацию отменить этнические разногласия, не выбирать между Востоком или Западом, а сплотиться на почве ислама (Виноградов 2016: 163).

Бюро разведки и исследований (БРИ) Государственного департамента положительно оценивало вклад курдов в борьбу против исламского режима, отмечая при этом их уклон «влево» и склонность к сотрудничеству с разными леворадикальными движениями⁷⁵. По оценкам БРИ, операция 25 апреля, продемонстрировав возможность американского вмешательства в дела Ирана, привела к ужесточению политики исламского режима в отношении курдов⁷⁶. Эту оценку разделяло ЦРУ⁷⁷.

На заседании СКК 6 мая было принято решение усилить скрытую активность ЦРУ в Иране, хотя в отношении поддержки курдов мнения участников совещания разошлись⁷⁸. Директор ЦРУ Тёрнер был скептически настроен в отношении новых операций и предлагал ограничиться простым наблюдением и сбором информации⁷⁹. В конце мая он направил Бжезинскому, Брауну и Маски меморандум о краткосрочной перспективе развития внутривнутриполитической ситуации в Иране, в котором указал, что, несмотря на определённые успехи Тегерана, курды благодаря хорошей организации и инициативной обороне будут сохранять контроль над Иранским Курдистаном, тем самым отвлекая ресурсы исламского режима и способствуя распространению волнений этнических меньшинств в других регионах страны⁸⁰.

В начале июня Бжезинский подготовил меморандум, в котором сообщил о приобретении полезных контактов среди иранской оппозиции, в том числе курдов, и предложил развивать их дальше⁸¹. В этом документе он дошёл до сведения президента, что в январе–апреле работе с агентурой и тайными осведомителями отдавался низкий приоритет, следствием чего стало отсутствие ко-

⁷⁴ National Intelligence Daily, Saturday, May 17, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁷⁵ FRUS 2020: 770.

⁷⁶ Iran: Impact of Tabas Raid, April 26, 1980. The Carter Administration and the "Arc of Crisis": Iran, Afghanistan and the Cold War in Southern Asia, 1977–1981. *Wilson Center*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/the-carter-administration-and-the-arc-crisis-iran-afghanistan-and-the-cold-war-southern> (accessed 15.05.2023).

⁷⁷ National Intelligence Daily, Monday, April 28, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁷⁸ FRUS 2020: 762.

⁷⁹ FRUS 2020: 791.

⁸⁰ Memorandum for the Honorable Edmund S. Muskie from Stansfield Turner et.c., May 27, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁸¹ FRUS 2020: 804–805.

ординации в сборе и анализе данных и противоречивость выводов аналитиков о курдской активности. Позднее с целью выяснения причин провала апрельского десанта разведка провела внутренний аудит, который показал, что вследствие ограниченности ресурсов, низкого интереса руководства страны к курдской проблематике, деморализующего эффекта апрельской неудачи и успехов режима Хомейни в подавлении курдских выступлений будет непросто восстановить прежний уровень контактов со связными в Иранском Курдистане⁸². ЦРУ также уведомило Белый дом о том, что «военные чрезмерно истощали ресурсы разведки», что снижало её информированность и эффективность⁸³.

Параллельно происходила переоценка позиции США в отношении ирано-афганского звена противодействия СССР⁸⁴. Согласно отчёту ЦРУ, помощь Ирана афганской оппозиции носила «скорее символический» характер. Иран был не готов ради афганцев ввязываться в противостояние с одной сверхдержавой в условиях уже существующего конфликта с другой. Активность на этом направлении проявлял, по сути, только глава иранского МИД Готбзаде, обещавший «показать ад» советским войскам в Афганистане. Но позиции министра в иранском политикуме были шаткими (в июле стало известно, что он не войдёт в состав следующего кабинета министров⁸⁵).

В июле в Иране состоялась неудачная попытка государственного переворота отставных военных под эгидой бывшего генерала шахской армии А. Овейси и при поддержке группы Бахтияра. Правительство Банисадра обвинило в его подготовке США, Израиль и Ирак, а Хомейни – США и СССР⁸⁶. Хотя американцы опасались в ответ организации трибунала над заложниками, серьёзных последствий, кроме публичных нападок и дальнейшего откладывания разрешения конфликта, не было. После недолгого расследования иранские парламентарии обвинили Вашингтон в поддержке курдских сепаратистов и увязали их продолжающееся сопротивление с американской помощью⁸⁷, что создавало негативный фон для переговоров по освобождению заложников, хотя и не шло дальше голословных обвинений. Данное обстоятельство имело следствием отказ Вашингтона от расширения контактов с иранскими курдами.

США и движение курдов к началу ирано-иракской войны, сентябрь 1980 г.

К сентябрю 1980 г. американскому руководству стало ясно, что повторную спасательную операцию организовать не удастся. Единственным предлогом для ввода войск в Иран могла послужить советская агрессия против исламской ре-

⁸² *FRUS* 2020: 811–815.

⁸³ *FRUS* 2020: 821.

⁸⁴ *Afghanistan: Iran's Role in the Crisis, July 1, 1980. CIA Electronic Library.*

⁸⁵ *FRUS* 2020: 855.

⁸⁶ *FRUS* 2020: 847–848.

⁸⁷ *FRUS* 2020: 875.

спублики. Этот вариант активно прорабатывался аппаратом СНБ и обсуждался на встречах СКК⁸⁸. Позиция Бжезинского была показательно агрессивной, а его предложения по предупреждению действий Москвы и выдвиганию ей ультимативных требований выглядели как желание втянуть СССР во вторую после Афганистана военную кампанию. Рассматривая сценарии предполагаемого нападения советских войск на ИРИ и американского контрудара, курды расценивались ЦРУ как потенциальные союзники США⁸⁹.

Ряд зарубежных и отечественных исследователей отмечают, что самым предпочтительным для США вариантом развития событий было нападения на ИРИ третьей силы (Примаков 2012: 317–318; Brands 2012: 319; Brands 2015: 117; Emery 2013: 173; Garthoff 1994: 982; Takeyh 2010: 367, 373.). С момента победы исламской революции наблюдалось ухудшение отношений Тегерана с Багдадом. Участились столкновения на границе и взаимные обстрелы, велись пропагандистские кампании с обоюдными обвинениями во вмешательстве во внутренние дела. Не сбрасывая со счетов политическую амбициозность и авантюристичность режима С. Хусейна, необходимо отметить, что иракское руководство рассматривало возможность иранского нападения как реальную. На фоне ухудшения двусторонних отношений⁹⁰ Ирак начал подготовку военных планов (Blight 2014: 95; Emery 2013: 175). Были открыты тайные каналы коммуникаций с иранскими курдами, которые Багдад предполагал использовать для отвлечения внимания и дестабилизации северо-западных окраин Ирана⁹¹. Справедливым будет заметить, что к подобным средствам – привлечению на свою сторону иракских курдов – Тегеран прибег значительно раньше западного соседа (Орлов 1999: 118; Сенников 2020: 97; Vali 2020: 151).

Дискуссионным остаётся вопрос о том, насколько Администрация Картера была заинтересована в развязывании ирано-иракской войны. Гипотетически подобное столкновение могло привести к усилению позиции США, поскольку и Иран, и Ирак придерживались антиамериканских позиций, война ослабляла их, снижала роль Ирака в палестинских делах, а также потенциал экспорта исламской революции. Учитывая разобщённость американского истеблишмента накануне президентских выборов, разнонаправленные сигналы от ключевых деятелей Администрации Картера, заикленность Белого дома на проблеме ложников, планы использовать афганский и иранский кризисы для подрыва советского влияния на Ближнем Востоке, можно предположить, что у режима Хусейна были неплохие шансы заручиться благожелательным нейтралитетом США.

⁸⁸ FRUS 2020: 886, 897–898, 900–901, 904–905, 910–915, 921–923, 933–936.

⁸⁹ Iranian Reaction to a Soviet Invasion, September 1, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁹⁰ В апреле 1980 г. в знак протеста против преследований шиитского духовенства в Ираке (тех, кто был уличен в подготовке государственного переворота), Иран принял решение об отзыве своих сотрудников из посольства и консульства в Ираке, что практически означало односторонний разрыв отношений.

⁹¹ Iran: Fragmentation in the Future? September 26, 1980. *CIA Electronic Library*.

Начало сентября 1980 г. было отмечено интенсификацией нападений с иранской стороны на пограничные районы Ирака. 17 сентября Багдад денонсировал ряд соглашений с Тегераном, в первую очередь Алжирские соглашения 1975 г., утвердившие современную границу между двумя странами. Иран в ответ закрыл для судов Ирака Ормузский пролив и блокировал судоходство по реке Шатт-эль-Араб (пограничной между государствами), а 22 сентября иракские войска перешли границу и начали продвижение вглубь иранской территории, тем самым дав старт восьмилетней ирано-иракской войне. США заняли в конфликте нейтральную позицию, которая позволяла гибко подходить к отношениям как с Ираном, так и Ираком, обеспечивая соблюдение американских интересов (Murray 2010: 34).

Начало войны заметно снизило значимость Тегерана в деле поддержки афганской оппозиции: круг получавших иранскую помощь был ограничен афганскими шиитскими группировками и беженцами, а тренируемые афганцы-шииты нанимались для участия в войне с Ираком (Васильев 2018: 224; Leake 2022: 126–127).

Курдский вопрос после начала ирано-иракской войны в повестку уходящей Администрации больше не ставился. Одним из последних меморандумов, посвящённых иранским курдам, стал анализ влияния на них СССР с учётом общей обстановки в регионе, включая ситуацию в Афганистане, подготовленный аналитиками разведки в декабре⁹², не содержащий в себе новой информации.

Заключение

На начальном этапе иранский и афганский кризисы воспринимались в Белом доме как комплексный вызов американской политике на Среднем Востоке и в зоне Персидского залива. Но если ситуация в Афганистане изначально использовалась для консолидации общественного мнения и создавала подходящий эмоциональный фон для сплочения команды Картера в формулировании ответа на возникшую угрозу, то при оценке событий в Иране мнения ключевых участников процесса принятия решений и позиции возглавляемых ими ведомств были далеки от гармонии.

Несмотря на проблему с заложниками, вплоть до начала апреля 1980 г. Вашингтон рассчитывал найти точки соприкосновения с Тегераном ради противостояния общей угрозе в лице СССР. Подобные идеи продвигались сотрудниками аппарата Белого дома, в первую очередь Бжезинским, по оценкам которого действия Москвы воспринимались в соответствии с канонами Холодной войны и считались стратегической угрозой. Расчёт на согласие режима Хомейни под-

⁹² Iran: Soviet Links with Kurdish Groups (U), December 12, 1980. *CIA Electronic Library*.

держать американские планы в отношении Афганистана себя не оправдал. Эксперты из СНБ и Государственного департамента в тот момент недооценивали фундаментальные отличия внешней политики ИРИ от подходов, использовавшихся во времена шаха М.Р. Пехлеви.

С течением времени становилось ясно, что Москва не смогла решить краткосрочных задач на афганском направлении, и присутствие советских войск в Афганистане затягивалось. Параллельно происходила пробуксовка переговоров с иранской стороной по проблеме заложников, что вело к ужесточению позиции Вашингтона. Оценивая уязвимые места исламского режима в Иране, эксперты разведывательного сообщества США придавали большое значение этнической неоднородности страны и рассчитывали на извлечение выгод из раздувания этнонациональных конфликтов. В этой связи иранские курды, открыто выступившие против режима Хомейни, признавались главной этнической оппозиционной силой и потенциальным союзником в противодействии официальному Тегерану. Восприятие курдов варьировалось в зависимости от текущей ситуации в американо-иранских отношениях – когда в Вашингтоне доминировал курс на достижение договорённостей с ИРИ, повышенное значение придавалось левой ориентации курдских организаций, их реальным или предполагаемым связям с Москвой; при обострении отношений, в частности, на этапе планирования и подготовки операции «Орлиный коготь», идейная окраска курдского движения в расчёт не принималась.

Колебания в отношениях с Тегераном не способствовали выработке чёткой и последовательной линии на афгано-иранском направлении. В Вашингтоне преобладало мнение, что иранские курды способны долго сопротивляться давлению центральной власти, что их можно использовать для ослабления режима Хомейни либо в качестве партнёра, либо в качестве разменного материала на случай достижения договорённостей с иранской стороной. Принимая во внимание, что курды уже вели борьбу на максимально достижимом для них уровне, а исламский режим по мере укрепления всё жёстче и эффективней реагировал на их действия, американские расчёты на эксплуатацию внутрииранских этнонациональных конфликтов становились неоправданными. К моменту решения Вашингтона об эскалации отношений с Тегераном курдские силы уже были серьёзно подорваны и не располагали достаточными ресурсами, чтобы существенно поколебать стабильность Ирана.

Об авторах:

Валерий Теодорович Юнгблюд – доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36. E-mail: yungblud@vyatsu.ru

Алексей Иванович Сенников – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36. E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №22-78-10179, <https://rscf.ru/project/22-78-10179/>

UDC 327.8(73:5-15)“1979/1981”

Received: July 05, 2023

Accepted: October 18, 2023

The Kurdish Movement's Factor in US Politics at the Peak of Iran and Afghanistan Crises, 1979 – January 1981

V.T. Yungblud, A. I. Sennikov

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-5-92-28-57](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-5-92-28-57)

Vyatka State University

Abstract: At the close of 1979, the United States encountered a critical need to realign its Middle East strategy in the wake of the capture of the American Embassy in Tehran by supporters of Iran's Supreme Leader, Ayatollah R. Khomeini on November 4, and the subsequent deployment of Soviet troops in Afghanistan on December 25. Faced with the challenges presented by the Iranian and Afghan crises, the United States' analytical, intelligence, and military bodies navigated various resources in search of viable solutions.

This study delves into the consideration of the Kurdish factor as a potential instrument in shaping the regional landscape. The National Security Council (NSC), State Department, Central Intelligence Agency (CIA), and the US Department of Defense all scrutinized the Kurdish movement, evaluating its prospects for advancing American interests. Drawing from documents obtained from the State Department, National Security Council, and CIA, this article tracks the evolution of US policy concerning the Kurdish movement and its utility in realizing Washington's strategic objectives during the most critical phases of the Iran and Afghanistan crises.

The analysis underscores the fundamental flaw in the initial evaluation of events in Afghanistan and Iran, misinterpreting them as a calculated move within a Soviet strategy to extend influence into the Persian Gulf region. This misconception was the primary cause of the Carter administration's failure in utilizing the Kurds as a counterforce against the Khomeini regime and its erroneous perceptions of the Iranian political regime's vulnerabilities. Inconsistencies in Washington's relationship with Tehran hindered the formulation of a coherent approach toward the Afghan-Iranian direction.

Keywords: USA, Islamic Republic of Iran, USSR, Kurdish issue, Afghanistan, hostages, covert operations

About the authors:

Valery T. Yungblud – Doctor of History, Professor, President of the Vyatka State University. Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia. ORCID: 0000-0002-2706-3904; Researcher ID: J-8665-2016; Scopus Author: 57189852953. E-mail: youngblood@vyatsu.ru

Alexey I. Sennikov – Candidate of Historical Sciences, Research Associate at the Department of History and Political Science, Vyatka State University. Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia. ORCID: 0000-0001-9329-2839; Researcher ID: I-4292-2018; E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No 22-78-10179, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10179/>

References:

- Barfield T. 2023. *Afghanistan: A Cultural and Political History. 2nd edition*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 456 p.
- Blight J.G. 2014. *Becoming Enemies: U.S.–Iran Relations and the Iran–Iraq War, 1979–1988*. New York: Rowman & Littlefield Publishers. 408 p.
- Brands H. 2012. Saddam Hussein, the United States, and the Invasion of Iran: Was There a Green Light? *Cold War History*. 12(2). P. 319–343.
- Brands H. 2015. Before the Tilt: The Carter Administration Engages Saddam Hussein. *Diplomacy & Statecraft*. 26(1). P. 103–123, DOI: 10.1080/09592296.2015.999628
- Brzezinski Zb. 1983. *Power and Principles. Memoirs of National Security Adviser 1977–1981*. New York: Farrar, Straus, Giroux. 587 p.
- Carter J. 1982. *Keeping Faith. Memoirs of a President*. New York: Bantam Books. 622 p.
- Eizenstat S. 2020. *President Carter: The White House Years*. New York: Thomas Dunne Books. 1056 p.
- Emery C. 2013. *US Foreign Policy and the Iranian Revolution: The Cold War Dynamics of Engagement and Strategic Alliance*. New York: Palgrave Macmillan. 275 p.
- Entessar N. 2017. The Kurdish Conundrum and the Islamic Republic of Iran, 1979–2003. *The Kurdish Question Revisited*. New York: Oxford University Press. P. 307–318.
- Garthoff R. 1994. *Détente and Confrontation: American-Soviet Relations from Nixon to Reagan*. Washington: Brookings Institution. 1206 p.
- Glad B. 2009. *An Outsider in the White House: Jimmy Carter, His Advisors, and the Making of American Foreign Policy*. Ithaca, New York: Cornell University Press. 414 p.
- Hammond T. 1984. *Red Flag over Afghanistan: The Communist Coup, the Soviet Invasion, and the Consequences*. Boulder, CO: Westview Press. 262 p.
- Hassan Kakar M. 1995. *Afghanistan: The Soviet Invasion and the Afghan Response, 1979–1982*. Berkeley: University of California Press. 390 p.
- Hassaniyan A. 2021. *Kurdish Politics in Iran: Crossborder Interactions and Mobilization since 1947*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 256 p.
- Hauner M., Canfield R. L. 2018. *Afghanistan and the Soviet Union: Collision and Transformation*. New York: Routledge. 231 p.

- Herring G. 2017. *The American Century and Beyond: U.S. Foreign Relations, 1893–2015. 2nd edition*. New York: Oxford University Press. 768 p.
- Johnson L. 2022. *The Third Option: Covert Action and American Foreign Policy*. New York: Oxford University Press. 408 p.
- Jordan H. 1982. *Crisis: The Last Year of the Carter Presidency*. New York: G.P. Putnam's Sons. 431 p.
- Leake E. 2022. *Afghan Crucible: The Soviet Invasion and the Making of Modern Afghanistan*. Oxford, UK: Oxford University Press. 368 p.
- McDowall D. 2021. *A Modern History of the Kurds, 4th Edition*. London: I.B. Tauris. 728 p.
- Murray D. 2010. *US Foreign Policy and Iran: American–Iranian Relations since the Islamic Revolution*. New York: Routledge. 272 p.
- Njølstad O. 2010. The Collapse of Superpower Détente, 1975–1980. *The Cambridge History of the Cold War. Volume III: Endings*, UK: Cambridge University Press. P. 135–155.
- Ro'i Y. 2022. *The Bleeding Wound: The Soviet War in Afghanistan and the Collapse of the Soviet System*. Stanford, CA: Stanford University Press. 424 p.
- Rubin B. 1985. *Secrets of State: The State Department and the Struggle Over U.S. Foreign Policy*. New York: Oxford University Press. 339 p.
- Saikal A. 2010. Islamism, the Iranian Revolution, and the Soviet Invasion of Afghanistan. *The Cambridge History of the Cold War. Volume III: Endings*, UK: Cambridge University Press. P. 112–134.
- Sargent D. 2015. *A Superpower Transformed: The Remaking of American Foreign Relations in the 1970s*. New York: Oxford University Press. 452 p.
- Takeyh R. 2010. The Iran–Iraq War: A Reassessment. *Middle East Journal*. 64(3). P. 365–383.
- Teitler A. 2020. *US Policy Towards Afghanistan, 1979–2014: 'A Force for Good'*. New York: Routledge. 236 p.
- Vali A. 2020. *The Forgotten Years of Kurdish Nationalism in Iran*. London: Palgrave Macmillan. 238 p.
- Zegart A. 2022. *Spies, Lies, and Algorithms: the History and Future of American Intelligence*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 424 p.
- Agaev S.L. 1986. *Iranskaia revoliutsiia, SShA i mezhdunarodnaia bezopasnost': 444 dnia v zalozhnikakh* [The Iranian Revolution, the United States and International Security: 444 Days in Hostage]. Moscow: Nauka. 283 p. (In Russian).
- Agaev S.L. 1987. *Iran mezhdur proshlym i budushchim. Sobytiia. Liudi. Idei* [Iran between the Past and the Future. Events. People. Ideas]. Moscow: Politizdat. 319 p. (In Russian).
- Arabadzhian A.Z. 1989. *Iranskaia revoliutsiia 1978–1979: Prichiny i uroki* [The Iranian Revolution of 1978–1979: Reasons and Lessons]. Moscow: Nauka. 557 p. (In Russian).
- Arunova M.R., Ivanenko V.I. 2015. *Afganskaia politika SShA v 1945–2014 gg* [U.S. Policy in Afghanistan, 1945–2014]. Moscow: RISI. 220 s. (In Russian).
- Fedorova I.E. 2004. *Iran – SShA: Dialog i protivostoianie* [Iran–US: Dialogue and Confrontation]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN. 141 p. (In Russian).
- Ivashchenko A.S. 1997. *SShA i Afganistan (1978–1989 gg.)* [USA and Afghanistan (1978–1989)]. Moscow: TTs «Sfera». 144 p. (In Russian).
- Khristoforov V.S. 2016. *Afganistan: voenno-politicheskoe prisutstvie SSSR 1979–1989 gg.* [Afghanistan: The Military–Political Presence of the USSR 1979–1989]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN. 544 p. (In Russian).

Korgun V.G. 2004. *Istoriia Afganistana. XX vek* [History of Afghanistan. 20th Century]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN. 525 p. (In Russian).

Kremeniuk V.A. 1984. *Bor'ba Vashingtona protiv revoliutsii v Irane* [Washington's Struggle against the Revolution in Iran]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 187 p. (In Russian).

Murtazaeva G.R. 2012. Iranskaia revoliutsiia 1979 goda i sovetско-amerikanskіe otnosheniia [Iranian Revolution of 1979 and Soviet-American Relations]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4: Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*. 2(22). P. 84–90. DOI: 10.15688/jvolsu4.2012.2.12. (In Russian).

Nikitenko E.G. 2004. *Afganistan: Ot voyny 80-kh do prognoza novykh voyn* [Afghanistan: From the War of the 80s to the Forecast of New Wars]. Moscow: Izdatel'stvo AST. 362 p. (In Russian).

Orlov E.A. 1999. Irano-irakskaiia voina 1980–1988 gg. i pozitsii SSSR, SShA i OON [Iran–Iraq War 1980–1988 and the Positions of the USSR, the USA and the UN]. *Islamskaia revoliutsiia v Irane: proshloe, nastoiashchee, budushchee* [Islamic Revolution in Iran: Past, Present, Future]. Moscow: Institut Vostokovedeniia RAN. P. 110–128 (In Russian).

Primakov E.M. 2012. *Konfidentsial'no: Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami (vtoraia polovina XX — nachalo XXI veka)*. 2-e izd., pererab. i dop [Confidential: The Middle East on Stage and Behind the Scenes (Second Half of the 20th – Early 21st Century)]. 2nd ed., revised with additional]. Moscow: Rossiiskaia gazeta. 414 p. (In Russian).

Rabush T.V. 2022. *Mezhdunarodnye aspekty Afganskogo vooruzhennogo konflikta (1979–1989 gg.) v usloviakh Kholodnoi voyny: diss. ... d.i.n. 5.6.7. (Istoriia mezhdunarodnykh otnoshenii i vneshnei politiki)* [International Aspects of the Afghan Armed Conflict (1979–1989) in the Cold War]. Moscow. 481 p. (In Russian).

Sennikov A.I. 2019. Kurdsii vopros v politike administratsii Dzh. Kartera v kontekste Iranskoi revoliutsii (1977–1980 gg.) [The Kurdish Question in the Policy of the J. Carter Administration in the Context of the Iranian Revolution (1977–1980)]. *SShA & Kanada: Ekonomika – politika – kul'tura*. №10. P. 78–97. DOI: 10.31857/S032120680006806-0 (In Russian).

Sennikov A.I. 2020. Kurdsii vopros v blizhnnevostochnoi politike administratsii Dzh. Kartera v 1979–1980 gg. [The Kurdish Question in the Middle East Policy of the Administration of J. Carter in 1979–1980]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*. №63. P. 96–103. DOI: 10.17223/19988613/63/13 (In Russian).

Spol'nikov V.M. 1990. *Afganistan: islamskaia oppositsiia. Istoki i tseli* [Afghanistan: Islamic Opposition. Origins and Goals]. Moscow: Nauka. 191 z. (In Russian).

Toporkov V.M. 2014. *Afganistan: sovet'skii faktor v istokakh krizisa* [Afghanistan: The Soviet Factor at the Origins of the Crisis]. Cheboksary: TsNS «Interaktiv plius». 319 p. (In Russian).

Vasil'ev A.M. 2018. *Ot Lenina do Putina. Rossiia na Blizhnem i Srednem Vostoke* [From Lenin to Putin. Russia in the Near and Middle East]. Moscow: Tsentrpoligraf. 670 p. (In Russian).

Vinogradov V.M. 2016. *Nash Blizhnii Vostok. Zapiski sovet'skogo posla v Egipte i Irane* [Our Middle East. Notes of the Soviet Ambassador to Egypt and Iran]. Moscow: «Alistorus». 249 p. (In Russian).

Vorob'eva T.A., Yungblud V.T. 2016. Afganistan v politike SSSR i SShA v 1979 g. [Afghanistan in the Policy of the USSR and the USA in 1979]. *Voprosy istorii*. №10. P. 105–125. (In Russian).

Vorob'eva T.A., Yungblud V.T. 2019. SShA teriaut soiuznika na Blizhnem Vostoke: politika administratsii Dzh. Kartera v otnoshenii Irana, 1977–1980 gg. [The US is Losing an Ally in the Middle East: The Policy of the J. Carter Administration towards Iran, 1977–1980]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia»*. 10(3(77)) . 16 p. DOI: 10.18254/S207987840005469-4 (In Russian).

Yungblud V.T., Bakshaev M.V. 2022. «My ne izmenim svoe otnoshenie k vam, poka vy ne izmenite svoje otnoshenie k nam». Kak v Vashingtone uchityvali reaktsiiu zapadnoevropeiskikh kompartii na sobytiia v Afganistane, 1978–1985 [«We Will Not Change Our Attitude towards You until You Change Your Attitude towards Us». How Washington Considered the Reaction of Western European Communist Parties to the Events in Afghanistan, 1978–1985]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 15(4). P. 7–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-4-85-7-42 (In Russian).

Yungblud V.T., Sennikov A.I. 2023. SShA v poiskakh otveta na iranskii vyzov: kurdsii keis, noiabr' – dekabr' 1979 g. [US in Search of an Answer to the Iranian Challenge: The Kurdish Case, November–December 1979]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorii*. №2. P. 70–83. DOI: 10.17072/2219-3111-2023-2-70-83 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Агаев С.Л. 1986. *Иранская революция, США и международная безопасность: 444 дня в заложниках*. Москва: Наука. 283 с.

Агаев С.Л. 1987. *Иран между прошлым и будущим. События. Люди. Идеи*. Москва: Политиздат. 319 с.

Арабаджян А.З. 1989. *Иранская революция 1978–1979: Причины и уроки*. Москва: Наука. 557 с.

Арунова М.Р., Иваненко В.И. 2015. *Афганская политика США в 1945–2014 гг.* Москва: РИСИ. 220 с.

Васильев А.М. 2018. *От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке*. Москва: Центрполиграф. 670 с.

Виноградов В.М. 2016. *Наши Ближний Восток. Записки советского посла в Египте и Иране*. Москва: «Алисторус». 249 с.

Воробьева Т.А., Юнгблюд В.Т. 2016. Афганистан в политике СССР и США в 1979 г. *Вопросы истории*. №10. С. 105–125.

Воробьева Т.А., Юнгблюд В.Т. 2019. США теряют союзника на Ближнем Востоке: политика администрации Дж. Картера в отношении Ирана, 1977–1980 гг. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 10(3(77)). 16 с. DOI: 10.18254/S207987840005469-4

Ивашенко А.С. 1997. *США и Афганистан (1978–1989 гг.)*. Москва: ТЦ «Сфера». 144 с.

Коргун В.Г. 2004. *История Афганистана. XX век*. Москва: Институт востоковедения РАН. 525 с.

Кременюк В.А. 1984. *Борьба Вашингтона против революции в Иране*. Москва: Международные отношения. 187 с.

Муртазаева Г.Р. 2012. Иранская революция 1979 года и советско-американские отношения. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2(22). С. 84–90. DOI: 10.15688/jvolsu.4.2012.2.12.

Никитенко Е.Г. 2004. *Афганистан: От войны 80-х до прогноза новых войн*. Москва: Издательство АСТ. 362 с.

Орлов Е.А. 1999. Ирано-иракская война 1980–1988 гг. и позиции СССР, США и ООН. *Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее*. Москва: Институт востоковедения РАН. С. 110–128.

Примаков Е.М. 2012. *Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI в.). 2-е изд., перераб. и доп.* Москва: Российская газета. 414 с.

Рабуш Т.В. 2022. *Международные аспекты Афганского вооружённого конфликта (1979–1989 гг.) в условиях Холодной войны: дисс. ... д.и.н. 5.6.7. (История международных отношений и внешней политики)*. Москва. 481 с.

Сенников А.И. 2019. Курдский вопрос в политике администрации Дж. Картера в контексте Иранской революции (1977–1980 гг.). *США & Канада: Экономика – политика – культура*. №10. С. 78–97. DOI: 10.31857/S032120680006806-0

Сенников А.И. 2020. Курдский вопрос в ближневосточной политике администрации Дж. Картера в 1979–1980 гг. *Вестник Томского государственного университета. История*. №63. С. 96–103. DOI: 10.17223/19988613/63/13

Спольников В.М. 1990. *Афганистан: исламская оппозиция. Истоки и цели*. Москва: Наука. 191 с.

Топорков В.М. 2014. *Афганистан: советский фактор в истоках кризиса*. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс». 319 с.

Фёдорова И.Е. 2004. *Иран – США: Диалог и противостояние*. Москва: Институт востоковедения РАН. 141 с.

Христофоров В.С. 2016. *Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг.* Москва: Институт российской истории РАН. 544 с.

Юнгблюд В.Т., Бакшаев М.В. 2022. «Мы не изменим своё отношение к вам, пока вы не измените своё отношение к нам». Как в Вашингтоне учитывали реакцию западноевропейских компартий на события в Афганистане, 1978–1985. *Вестник МГИМО-Университета*. 15(4). С. 7–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-4-85-7-42

Юнгблюд В.Т., Сенников А.И. 2023. США в поисках ответа на иранский вызов: курдский кейс, ноябрь – декабрь 1979 г. *Вестник Пермского университета. История*. №2. С. 70–83. DOI: 10.17072/2219-3111-2023-2-70-83